

А. Б. ПЕНЬКОВСКИЙ

«...ТОГДА НЕ МЧАЛАСЬ ЕЛЬ НА ЛЕГКИХ ПАРУСАХ...» (К. Н. Батюшков. «Элегия из Тибулла», 1811)

Светлой памяти Максима Шапира

Вынесенная в заглавие статьи строка из вольного батюшковского перевода элегии Тибулла до сих пор, насколько я знаю, не привлекала внимания читателей, комментаторов и исследователей. Между тем, если «не мчаться» вместе с «елью» этого текста «на легких парусах» в переливающимся аллитерационными волнами потоке «италианских звуков» (по слову Пушкина) «в лазоревых морях» поэзии Батюшкова, а неспешно и внимательно вслушаться, вчитаться и вдуматься в этот текст, то откроется загадочность его центрального образа — «*мчащейся на легких парусах ели, несомой ветрами в лазоревых морях*»:

Зачем мы не живем в златые времена?³
Тогда беспечные народов племена
Путей среди лесов и гор не пролагали
И ралом никогда полей не раздирали;
Тогда не мчалась ель на легких парусах,
Несома ветрами в лазоревых морях.
И кормчий не дерзал по хлябям разъяренным
С сидонским багрецом и с золотом бесценным
На утлом корабле скитаться здесь и там.

[Батюшков 1977: 207]

Во всяком случае показательно, что среди моих респондентов, которым я, рассчитывая на их языковую и поэтическую компетенцию, предлагал объяснить эти строки, не нашлось ни одного, кто бы, выслушав их, не остановился в недоумении. При этом те, кому батюшковская элегия была знакома как целое, удивлялись, что никогда ранее не задумывались над обсуждаемыми здесь строками, и, вместе с теми, кто впервые столкнулся с ними, высказывали неуверенное предположение, что речь вероятно идет о сделанной из ели мачте того утлого корабля, который упоминается далее. Дальнейшие размышления вели некоторых из моих собеседников к мысли о том, что за образом «ели, мчащейся на легких парусах», стоит не мачта корабля, а *цельный* корабль, что, естественно, вызывало новые вопросы. Одни, вспоминая — мо-

жет быть, с опорой на ставшие классическими произведения русской живописи (И. И. Шишкин) и литературные тексты о природе (И. С. Соколов-Микитов, М. М. Пришвин, С. К. Никитин и др.) — такие русские аналитические терминологизованные образования с эквивалентными определениями как *мачтовая / корабельная сосна*, *мачтовый / корабельный бор*, *мачтовый / корабельный лес* (в обоих значениях — ‘лес’ и ‘древесина’)¹, высказывали сомнение в том, что древние римляне строили корабли *из ели*. Другие с удивлением отмечали нестандартность и странность представленного в так понимаемом образе *ели* метонимического сдвига.

Действительно, при том, что метонимия, как и другие виды тропов, принадлежит к числу языковых универсалий, конкретный репертуар метонимических сдвигов в различных языках оказывается различным, и то, что в одном языке является нормой, в другом может отсутствовать и восприниматься со стороны («с иноязычной стороны») как странность или языковая ошибка. Именно такова, по-видимому, ситуация, складывающаяся для нас при восприятии слова *ель* в батюшковском тексте: в семантической структуре современного русского имени *ель*, основное значение которого словари определяют, как «хвойное дерево *Pinus abies*» [Даль 1880, I: 534], «крупное, вечнозеленое хвойное дерево конусообразной формы с длинными чешуйчатыми шишками» [ТС 1935, I: 834], «высокое хвойное вечнозеленое дерево сем(ейства) сосновых» [БАС 1954, 3: 1260], «вечнозеленое хвойное дерево сем(ейства) сосновых, с кроной конусообразной формы и длинными чешуйчатыми шишками» [МАС 1981, I: 465] или «вечнозеленое хвойное дерево сем. (ейства) сосновых с конусообразной кроной» [Ожегов 1989: 190] и под., есть метонимически сдвинутое регулярное «собирательное» значение ‘ели, ельник’ («⟨...⟩ ель, сосна и камень неслись мимо быстро убегающего поезда...» — В. Г. Короленко. «Искушение», гл. I, 1891 [Короленко 1953: 241])²; есть, хотя оно и не принадлежит к числу широко употребляемых, также регулярное значение ‘древесина этого дерева’³, но нет и, по-видимому, никогда не было значения «изделие из (древесины) ели».

Нет такого типового значения — ‘изделие из древесины данного вида’ — и в семантической структуре русских имен, называющих другие породы деревьев: *береза*: ‘дерево *Betula alba*’ — (собр.) ‘березы, березняк’ — ‘древесина березы’ — ‘березовые дрова’, но не *‘изделие из березы; *бук*: ‘дерево *Fagus sylvestris*’ — (собр.) ‘буки, букovníк’ — ‘древесина бука’ — ‘букóвые дрова’, но не *‘изделие из бука; *верба*: ‘дерево *Salix*’ — (собр.) ‘вербы, вербняк» — ‘древесина вербы’ — ‘вербные дрова’, но не *‘изделие из вербы; *липа*: ‘дерево *Tilia*’ — (собр.) ‘липы, липняк’ — ‘древесина липы’ — ‘липовые дрова’, но не *‘изделие из липы; *ольха*: ‘дерево *Alnus glutinosa*’ — (собр.) ‘ольха, олешник,

ольховник' — 'древесина ольхи' — 'ольховые дрова', но не *изделие из ольхи; *осина*: 'дерево *Populus tremulus*' — (собирает.) 'осины, осинник' — 'древесина осины', — 'осиновые дрова', но не *изделие из осины'; *сосна*: 'хвойное дерево *Pinus sylvestris*' — (собирает.) 'сосны, сосняк' — 'древесина сосны' — 'сосновые дрова', но не *изделие из сосны и т. п.

Другие типы метонимических сдвигов, выходящие за границы очерченной выше системы значений, не столь регулярны. Таков, например, переход от значения 'дерево как целое в единстве всех его составных частей' к метонимически формируемому значению 'отдельная ветвь этого дерева'. Ср., например: *ива* — «Кустарник или дерево с узкими листьями и гибкими ветвями» [ТС 1935, I: 1126; ср. БАС 1956, 5: 11; МАС 1981, I: 627], откуда не отмечаемое словарями значение 'отдельная ветвь ивы' и далее собирательно-коллективное 'ветви ивы, ивняк':

«О, зеркало воды счастливой! / Где часто грудь драгой моей, / С зеленою мешаясь ивой, / Рисуется поверх зыбей!» (Е. А. Кольчев. «К озеру Б***», 1796) [Поэты 1790–1810: 226]⁴.

Ср. пример, где отчетливо разведены два указанных выше значения:

«Оплакавши сына, отец под развесистой ивой // Могилу ему ископал и, накрыв ее камнем, // Плетеную вершу из ивы над нею повесил — // Угрюмой их бедности памятник скудный!» (А. Н. Майков. «На мысе сем диком...», 1840) [Майков А. 1977: 53].

Ср. также:

«Из чьих ты корзинок плоды ел? // Всё из моих: я, жимолость тонкую сам выбирая, // Плел из нее их узорами с легкой цветною соломой» (А. А. Дельвиг. «Купальницы», 1824) [Дельвиг 1986: 35].

Этот тип метонимической специализации, характерный и для некоторых других имен кустарников (*боярышник*, *бузина*, *жасмин* / *ясмин*, *калина*, *крушина*, *сирень* и др.), поскольку в их растительной структуре есть ветви (побеги), но нет главного ствола⁵, лишь единично представлен в ряду названий деревьев⁶, среди которых следует особо выделить используемые в высокой сакральной сфере, что приводит к осложнению их семантической структуры дополнительным значением 'как символ чего-либо'.

Выдвигаясь на передний план, эта возвышающая семантическая добавка может затем полностью освобождаться от связи со своей материальной основой (со своим денотатом), целиком переходя (и переводя все слово) на понятийный, сигнификативный уровень. Ср.: *лавр* — 'дерево *Laugus nobilis*' → 'отдельная ветвь лавра' → 'то же как символ заслуг, победы и почета, оказываемого победителю' и (обычно в формах мн. ч.) 'венки / венец из таких ветвей с той же символизацией'⁷, откуда далее — сублими-

рованное значение 'признанная и вознагражденная победа и успех'. Ср., с одной стороны, в стилизованном описании древнеримской реальности:

«Пускай Мессале льстят оружия успехи, // Одержанные им победы на войне! // Пускай под лаврами, на гордом он коне, // С полками пленников, при плесках в Рим вступает // И славы своея лучами поражает <...>» (И. И. Дмитриев. «Элегия. Подражание Тибуллу», 1795) [Дмитриев И. 1967: 143];

«Квирис юный, мной спасенный! // Честью, славой Рима будь! // Но фортуной возвышенный, // Ты весталки не забудь! // В лаврах ты знакомой жрице // Пышно в сретение мчишь — // С триумфальной колесницы // Ей приветно поклонись!...» (Е. Ф. Розен. «Весталка», 1829) [АППП 1988: 26];

«<...> на быстрой колеснице, // Увенчан лаврами, в блестящей багрянице, // Спесиво развалясь, Ветулий молодой // В толпу народную летит по мостовой» (Пушкин. «К Лицинию», 1815) [1: 111] —

и, с другой:

«<...> Друг твой в поле появится, // Еще саблею блеснет, // Или в лаврах возвратится, // Иль на лаврах мертв падет!» (Д. В. Давыдов. «Элегия IV» [«В ужасах войны кровавой...»], 1816) [Давыдов 1984: 79], где «в лаврах», «на лаврах» — 'со славой'⁸.

Сходным образом: *олива* — 'масличное дерево *Olea europaea*'⁹ → 'отдельная ветвь маслины'¹⁰ → 'то же как символ мира'¹¹; *пальма* — 'вечнозеленое дерево с стройным стволом (отсюда восходящее к библейским текстам сравнение с *пальмой* как эталоном стройности) и кроной, образуемой крупными листьями, похожими на расправленную ладонь (лат. *palma*)'¹² → 'отдельная ветвь такого дерева'¹³ → 'то же как библейский символ праведности и почета, оказываемого праведнику' (откуда *паломник* 'праведник, посетивший Святую землю и вернувшийся оттуда с пальмовой ветвью' [БЭ 1990: 550–551])¹⁴, а также восходящую к античной культуре символизацию *пальмы* как знака почета, оказываемого победителям в соревнованиях, отразившуюся в фразеологизме *пальма первенства*, откуда далее — с компрессией — *пальма* 'символ почета, награда'.

С семантической эволюцией имени *пальмы* следует сравнить типологически аналогичное семантическое развитие имени русской *вербы* как функционального эквивалента евангельской *пальмы* в событиях, связанных с неделей ваий (вербным воскресеньем) [ХЭС 1993: 1, 388 — 389]: *верба* 'дерево *Salix*' → 'отдельная ветвь этого дерева' → 'то же как символ памяти о евангельских событиях в последние дни земной жизни Иисуса Христа, торжественный вход которого в Иерусалим народ приветствовал, бросая ему под ноги пальмовые ветви'; ср.: «*Стоять въ церкви съ вербою*» [СЦРЯ 1847, I: 110], где *верба* выступает во вторичном — собирательном — значении¹⁵.

В этой связи должен быть отмечен как будто не получивший продолжения и развития в последующей литературе поразительный образ Ломоно-

сова, представляющий попятный метонимический ход от символизирующей мир ветви оливы как части целого — к целому масличного дерева, с тем же, но — соответственно соотношению масштабов такой части и такого гиперболизированного (мегализованного) целого — многократно усиленным символическим значением, откуда далее комплексный образ *насаждения маслин* как символ героических трудов по установлению, укреплению и, говоря современным языком, «защите мира», а рядом — образ *цветущих маслин* как символ утвердившегося мира и достигнутой «возлюбленной тишины». Ср. у него, с одной стороны:

«Всесильный Мир себя являет: // *Оливна ветвь, лавр, слава, мечь!*» («Ода ... Государыне Императрице Елисавете Петровне ... ноября 25 дня 1761 года...») [Ломоносов 1959: 750] —

и, с другой:

«Стократно счастливы Ея под кровом нивы; // *Где лавры собрал Петр, Она садит оливы*» (Его сиятельству Графу Григорью Григорьевичу Орлову ... поздравительное письмо ... июля 19 дня 1764 года);

«Но холмы и древа скачите, // *Ликуйте, множества озер, // Руками, реки, восплещите, // Петрополь буди вам пример: // Елисавета вам приходит, // Отраду с тишиной приводит; // Любя вселенныя покой, // Уже простертой вам рукой // Дарует мирные оливы, // Цадить велит леса и нивы*» («Ода на прибытие Ея Величества ... Елисаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации»);

«Пять крат под щастливой державой // *Цветами красилась земля; // Стократной облеклся славой // Российски грады и поля. // Стоят трофеи вознесенны, // Цветут оливы, насажденны // Елисаветиною рукой <...>*» («Ода на день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны...», 1746) [Ломоносов 1959: 802, 93, 144] и др.

Ср. также у него параллельно развивавшийся образ *пальмы* (от ветви — к дереву)¹⁶.

Еще одно направление метонимического движения обнаруживается у имен плодовых деревьев, семантическая структура которых к рассмотренной выше системе значений прибавляет еще значение 'плод' («плод дерева», по слову Жуковского¹⁷), откуда принятый Далем тип их словарных толкований по схеме «дерево и плод»: *вишня* — «дерево и плодъ <...> Prunus Cerasus» [Даль 1880, I: 212]; *груша* — «дерево и плодъ Pirus» [Даль 1881, I: 412] и др. под. Сюда же, конечно, и названная выше *олива*.

Что же касается специализированного метонимического сдвига 'живое растущее дерево имярек' → 'изделие из этого дерева', то следует еще раз повторить и подчеркнуть, что в русском языковом материале¹⁸ этот тип метонимии представлен лишь редчайшими и при том исключительно диалектными примерами¹⁹, особенно если иметь в виду интересующий нас тип специализации

ции: 'изделие из дерева: (море)плавательное средство: челн, лодка, судно, корабль'. Ср. (с суффиксальным осложнением) нвг. *осинник*, арх. *осинка*, *осиновка* — «долбушка, осиновая однодеревка, лодка, челнь, стружекъ» [Даль 1881, II: 720], привязанные к периферийному северноморскому ареалу русской диалектной территории, и, с другой стороны, *дуб* — «челнь, лодка, стругъ однодеревка, долбушка; дубы съ надѣлками, по Буту и Днѣпру, подымають 150 до 700 чत्व. хлѣба» [Даль 1880, I: 513]; «Род большой лодки на Дону, Днепре» [МАС 1981, I: 450] (ср. здесь же с суффиксальным осложнением: «*Дубки*, малые лодки, дубы, по *Днепру* и *Березинѣ*, подым. ⟨ають⟩ до 250 пуд.» [Даль 1880, I: 513]), представляющие южную и юго-западную периферию русской языковой территории, так или иначе связанную с Азовским и Черным морями, а через них — со Средиземноморьем²⁰.

Выделим в этой связи также родовое имя *дерево*, представляющее едва ли не все возможные в рассматриваемой лексической группе типы метонимических переходов: *дерево* 'растущее дерево' → 1. 'срубленное дерево, бревно' (вят., арх., новг., яросл. и др.); 2. 'изделие из дерева': а) 'жердь для скрепления воза или скирды, стога соломы, сена и т. п.' (онеж., арх., киров.); б) 'коромысло' (волог.), в) 'шест для носки ушатов с водой' (олон., влад.); г) 'палка, вдеваемая в ушки ушата' (новг.); 3. 'доска, на которой пишут икону' (влад.) и др., в том числе 'мачта' (волж., печор., помор., арх., вят., яросл.) и 'лодка, выдолбленная из одного дерева, однодеревка' (онеж., арх.) [СРНГ 1972, 8: 13–15], — значение, имеющее прямые соответствия в других и.-е. языках. Ср., например, лат. «*arbōr, ōris f 1*» дерево; ~ *Jovis* дерево Юпитера, *т. е.* дуб; ~ *Phoebī* дерево Феба, *т. е.* лавровое дерево; ~ *Palladis* дерево Паллады, *т. е.* масличное дерево; 2) изделие из дерева; *Pelias* ~ корабль Арго» [Малинин 1952: 57].

Именно такое *дерево* — поразительный гибрид живой русской диалектной и книжной латинской языковой стихии, в котором «свое» давало жизненные соки «чужому», а «чужое» обеспечивало «своему» высшую золотую пробу античной классики, мы находим в стихотворении великого архангелогородца, хранившего в благодарной памяти святую для него речь родных мест, но одновременно свободно читавшего, писавшего, говорившего и, как можно полагать, думавшего на классической латыни, что так или иначе отразилось и на его русской поэтической речи:

О коль ужасно зло! На то ли человек
В незнаемых морях имел опасный бег,
На то ли, разрушив естественны пределы,
На утлом дереве обшол кругом свет целый,
За тем ли он сошел на красны берега,
Чтоб там себя явить свирепаго врага?

По тягостном труде, снесенном на пучине,
Где предал он себя на произвол судьбине,
Едва на твердый путь от бурь избыть успел,
Военной бурей он внезапно зашумел.

(М. В. Ломоносов. «Письмо о пользе Стекла к ...
Ивану Ивановичу Шувалову, писанное 1752 году»)

[Ломоносов 1959: 514]

«Утлое дерево» Ломоносова, которого Батюшков высоко ценил и как ученого, и как человека, и как великого поэта, которого не раз внимательно перечитывал (в середине 1815 года он посвятил ему восторженный очерк «О характере Ломоносова» [Батюшков 1977: 29–33]), не могло не запомниться Батюшкову с его цепкой поэтической памятью. «Перелагая» на русский язык третью элегию своего любимого Тибулла²¹, он вспомнил и — в фрагменте, представляющем вариант широко распространенного в античной поэзии мотива о проклятии мореходства, которого не знали в блаженно-счастливые времена золотого века²², счастливо использовал образ «утлого корабля», сохранив характерный ломоносовский эпитет, не находящий никакого соответствия в латинском оригинале. Действительно, у Тибулла к о р а б л ь, обозначенный в соответствии с нормами высокой поэтической латыни не родовым (*arbor* — *дерево*), а в и д о в ы м именем (*pinus* — *сосна*), характеризуется не качественным признаком, а противоположным по семантике метафорическим предикатом (*nondum*) *contempserat* — «не презирал» (лат. *contemnere* — 'презирать, пренебрегать, презирать'), откуда в трансформирующем русском переводе Л. Е. Остроумова — «гордый сосновый корабль»:

*Nondum caeruleas pinus contempserat undas,
Effusum ventis praebueratque sinum* {...}

(Tibull. I, III, 37–38)

Гордый сосновый корабль не резал лазурные волны,
В бурю еще не кидал крылья своих парусов {...}

[Тибулл и др. 1963: 167]

Этот «гордый сосновый корабль» Л. Е. Остроумова заслуживает особого внимания не только потому, что такой его перевод позволяет лучше понять то решение, которое принял, «перелагая» Тибулла, Батюшков, но и потому, что он заставляет задуматься о некоторых общих проблемах перевода античной поэзии на русский и другие европейские языки. Стараясь быть адекватным в смысловом отношении и в то же время не погрешить против норм русского языка, Остроумов сохранил тибуллову «сосну», но, транспонируя это пред-

метное имя в адъективную позицию определения, лишил его характерного для высокой латинской поэтической речи метонимического значения и тем самым тропеически обескровил его и в то же время сильное, сжатое семантической пружиной мускулистое латинское имя: *pinus* — ‘сосна-корабль’ («соснабль» — говоря языком Хлебникова) превратил в русское расслабленное описательное обозначение: «сосновый корабль».

Батюшков поступил по-иному. Он сознательно или подсознательно — по-видимому, из соображений и оснований эвфонического характера (ср. отмеченную выше инструментовку рассматриваемого двустипия) — заменил одно дендрологическое имя (*cosnu* тибуллова оригинала — лат. *pinus*) другим (русской елью — лат. *abies*), но того же семейства хвойных сосновых и, что, вероятно, важнее — с тем же поэтическим потенциалом и на той же метонимической основе: лат. «*ābies, ētis* f 1) ель; 2) вещь, сделанная из ели (копье; **корабль**; письмо, написанное на еловой дощечке)» [Малинин 1952: 10] (полужирный курсив мой. — А. П.)²³. При этом Батюшков, с его обостренной авторской рефлексией, несомненно, не мог не понимать, что, вводя в русский поэтический язык ярчайшую семантическую кальку, не имеющую в нем никакой опоры, никакого своего готового образца, никакой собственной основы, он идет на достаточно рискованный шаг. В отличие от Ломоносова, опиравшегося со своим «*деревом-кораблем*» на родной архангельский говор, Батюшков, насколько можно судить на основании его текстов, был «вологжанином» лишь по записи в книге церковных регистраций. Но поэт рискует каждым своим нестандартно сказанным словом, а Батюшков, с его от рождения большой психикой и постоянными сомнениями в том, что он делал, рисковал (и здесь, следуя осознанно избранному принципу: «*чужое — мое*»²⁴, рисковал дважды).

И все же опора у него была, и было даже две опоры: во-первых, рассмотренный выше прецедент, созданный Ломоносовым (и некоторые другие его новаторские словоупотребления), а во-вторых, понимание того, что большинство его читателей — это люди, знающие латынь и более или менее широко начитанные в римской поэзии, которая была для них открытой книгой. Это был их *altum* ('открытый простор') книжного моря, где «*pinus*'ы» и «*abies*'ы» составляли целые флотилии, плававшие по всему Средиземноморью... И поскольку батюшковская «Элегия из Тибулла» была не точным, а по его же собственному сознательному терминологическому выбору, вольным переводом, его смелая (чтобы не сказать дерзкая!) «мчавшаяся по лазоревым волнам» «*ель на легких парусах*» стала фактом русского поэтического языка и создала яркий и свежий поэтический образ, ставший вскоре образцом и моделью и для оригинальных русских поэтов, и для многих поколений поэтов-переводчиков римской поэзии на русский язык.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср. еще о Симбирской губернии: «Осматривали по пути *корабельные леса*; ничего подобного и видеть нельзя: дубы — 2, 3 аршина в диаметре, стоят густо, сплошь. Один дуб под названием *матка* был около 4-х аршин диаметра (...) Лашманы, чтобы вывезти дуб на пристань, в особые для того сани запрягают до 150 лошадей. Двинуть с места мало 200 человек, бьются не один день» [Стогов 2003: 144].

² Ср. еще: «В чертогах Сельмы царь могущих // Тоскару юному вещал: // „Гряди во мрак лесов дремучих, // Где Крона катит черный вал, // *Шумящей прохлажден осинной*. (...)“» (Пушкин. «Кольна (Подражание Оссиану)», 1814) [1: 29], где представлено (не отмеченное в «Словаре языка Пушкина») собирательное значение имени *осина* (с одной из ранних в истории русской литературы фиксации характерного для этого дерева и отраженного в его научном латинском терминологическом названии *Rorulus tremulus* мелкокого дрожания и производимого им легкого шума ветвей и листвы). Ср. еще: Богиня Фантазия «По облакам носится // И, к роце спустившись, // Играет листочками // Осины трепещущей» (В. А. Жуковский. «Моя богиня», 1809) [Жуковский 1999, 1: 146]. Ср. также: «Воздух и окошко, добытые с боя... // *Желтая береза между темной ели*, // А за ними небо светло-голубое // И хлебов грядущих мягкие постели. // С призраком дыханья паровоз докучный // Мчится и грохочет мертвыми громами, // А душа природы с ласкою беззвучной // В неподвижном блеске замерла над нами» (В. С. Соловьев. «На поезде утром», 1896) [Соловьев 1974: 113]. Именно такой переход от 'понятно-родового' к 'множественному коллективно-собирательному' отложился, как можно предполагать, в семантике слова *бор*.

³ Ср.: «(...) скажу я короткое слово: // От деда в наследство ты принял *цвеницу из липы*, // А внукам своим передай *цвеницу из пальмы*» (Н. И. Гнедич. «Рыбаки», 1821) [Гнедич 1956: 204]; «В свободное время монахи собирали травы и составляли целебные зелья. Другие занимались живописью, вырезывали из *кипариса* кресты иль иконы (...)» (А. К. Толстой. «Князь Серебряный», гл. 23, 1850–1862) [Толстой А. К. 1969, 2: 360]. Ср. также позднее у Пастернака: «Он спал, весь сияющий, в *яслях из дуба*, // Как месяца луч в углубленье дупла» («Рождественская звезда», 1947) [Пастернак 1985, 1: 412].

⁴ Ср. тот же образ у Фета: «Игривый плеск в реке меня остановил. // *Сквозь ветви темные узнал я над водою* // *Ее веселый лик* — он двигался, он плыл, — // Я голову признал с тяжелою косою» («Купальщица», 1865) [Фет 1986: 276].

⁵ Ср. те же два метонимически и диахронически связанных варианта в целостной семантической структуре слова *хворост* ('сухие' ветки' < 'кустарник', представленные по разные стороны как междиалектных границ внутри русской языковой территории («прутняк», (...) тальник, раkitник») [Даль 1882, IV: 561]), так и границ между разными славянскими и — шире — индоевропейскими языками [Фасмер 1973, IV: 231].

⁶ Ср. еще: *ёлка* 'дерево *Pinus abies*' → (не отмечаемое словарями) 'ветка / веточка этого дерева': «Рябчики и тетерева с *зеленеющимися елками в ножках* тысячами слетелись из олонечких и новгородских лесов (на петербургский рынок. — А. П.), чтобы отведать столичного гостеприимства, и уже указательный перст гастронома назначает им почетное место на столе его» (А. А. Бестужев. «Испытание», 1830) [Бестужев-Марлинский 1958, 1: 179].

⁷ Наши словари, как правило, не различают эти два значения. И даже Большой академический словарь ошибочно приводит цитированный ниже пример из Д. Давыдова в качестве иллюстрации к значению, которое толкуется как «Венок, ветвь этого дерева как символ награды, победы», хотя ниже выделяет как «*перен(осное)*» с пометой «только *мн(ожественное)*»: «Об успехах, славе, известности» [БАС 1957, 6: 16], иллюстрируя его пушкинским «Я не герой, *по лаврам* не тоскую <...>» [Пушкин 1937–1949, 1: 190] (далее в ссылках на это издание указывается только номер тома и страницы). Замечу, что в языке пушкинской эпохи — благодаря характерной для него симметрии членов категории числа [ср. Пеньковский 2005: 163, 176–177] — указанное значение могло выражаться и формами ед. ч.: «Его (Сумарокова. — А. П.) “Хорев” сблизил народный дух с двором и обществом большого тогдашнего света. *Это его лавр*: ему одному удалось сблизить такие различные области быта человеческого» [Глинка С. 2004: 105]. Ср. в аналогичном контексте форму мн. ч.: «Очевидцы свидетельствуют, что непоколебимым хладнокровием в сражениях сберегал он людей и в опасностях одушевлял их примером своим: *вот его лавры*» [Глинка С. 2004: 430].

⁸ Остаточная связь символических употреблений *лавра* и *лавров* с «растительным» денотатом может сохраняться на фразеологическом уровне:

а) в субъектно ориентированных предикатах *цвести*, *увядать*, *высыхать* и т. п. Ср.: «Взыграй же, дух! Жуковский, дай мне руку! // Пускай с певцом воскликнет патриот: // Хвала и честь Екатерины внуку! // С ним русский лавр цвести будет в род и род» (И. И. Дмитриев. «Василию Андреевичу Жуковскому по случаю получения от него двух стихотворений на взятие Варшавы», 1831) [Дмитриев И. 1967: 369], где «*русский лавр*» — ‘слава России’. Ср. в ответном стихотворении Жуковского: «<...> певец двух поколений, // Под сединой ты третьему поешь // И нам, твоих питомцам вдохновений, // В час славы руку подаешь» («Ответ Ивану Ивановичу Дмитриеву», 1831) [Жуковский 2000, 2: 287, ср. 673].

б) в объектно ориентированных предикатах *рвать*, *срывать*, *влетать*, *пожинать* (*сжинать*) и т. п.: «Во мзду заслуги сей // Я лавры, сжатые тобою, // Себе надменно не присвою» (А. П. Бунина. «И. А. Крылову», 1811) [Поэты 1790–1810: 463]; «Покинуть гордые желанья, // В венок свой лавров не влетать <...>» (А. А. Дельвиг. «К Евгению», 1819) [Дельвиг 1986: 141]; «<...> на суждения завистников твоих, // На площадную брань и приговор суровый // С Гомером отвечай всегда беседой новой. // Орла ль, парящего среди эфирных стран, // В полете карканьем удержит наглый вран? // Иди бестрепетно проложенной стезею // И лавры свежие рви смелою рукою <...>» (К. Ф. Рылеев. «Послание к Н. И. Гнедичу», 1821) [Рылеев 1971: 84].

в) в определениях *свежий*, *неувядаемый*, *увядший* и т. п.: «Смягченный, он главой поник, // И, радостно воздвехи руки, // Он рек затворнице: “Велик, // Велик твой род! Сыны и внуки... // Я вижу их... Они в лучах! // И свеж их лавр! На их мечях // Ложится слава позолотой... // <...>» (Ф. Н. Глинка. «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой», IV, 17; 1828–1830) [Глинка Ф. 1951: 278]; «<...> покрыли вы себя новыми *неувядаемыми лаврами* <...>» [Шишков 1834: 138].

⁹ Ср.: «И вещего Бояна опустили // Сквозь запах роз и песни соловьев // Под тень олив, на ложе из цветов» (А. А. Дельвиг. Отрывок, без заглавия, конец 1820-х — начало 1830-х годов) [Дельвиг 1986: 188]; «Но там, увы, где неба своды // Сияют в блеске голубом, //

Где [*тьнь олив* легла] на воды, // Заснула ты последним сном» (А. С. Пушкин. «Для берегов отчизны дальней...», 1830) [З: 257]; «<...> Чистым чистое угодно; // Дар достойнейший небес: // Нивы колос первородной, // Сок *оливы*, плод древес» (В. А. Жуковский. Элевзинский праздник, 1833) [Жуковский 2008, 3: 220]); То же с плеоназмом — «*масличная олива*»: «<...> И осень для него готовит виноград, // Растущий на холмах вкруг *масличной оливы*» (В. Л. Пушкин. «Сельский житель», 1804) [Пушкин В. 1989: 109].

¹⁰ Ср.: «Где в зелени лимон благоухает, // Где виноград златые кисти вьет, // Тенистый лавр в величии цветет // И ветвь свою с *оливою* сплетает...» (В. И. Козлов. «Сонет А. А. Б—вой (При посылке моих сонетов)», 1824) [РС 1983: 42].

¹¹ Ср.: «Умолкла брань, престали сечи; // Росс на трофеях опочил; // Там щит, и меч, и шлем пернатый, // И булава его лежит... // С улыбкой ангельской, прелестной, // В венце, сплетенным из *олив*, // Нисшел от горних стран эфира // Сын неба, *животворный мир*» (В. А. Жуковский. «Ода: Благоденствие России, устрояемое великим Ея самодержцем Павлом Первым», 1797) [Жуковский 1999, 1: 21]; «Наш юный Александр с Великими сравнится, // Не пламенный перун — *оливы* будет несть <...>» (З. А. Буринский. «Поэзия», 1802) [Поэты 1790—1810: 313]; «Героев вождь ступил, // И к Александровым стопам пал Измаил! // Он пал с смирением: в трепещущих стенах // Ни гром, ни страшный меч не поселили страх. // Он славою побед предтевших низложился; // Мечу, обвитому *оливою*, покорился! // Так торжествует росс и миром и войной!» (С. Н. Глинка. «На взятие Измаила», 1809) [Поэты 1790—1810: 574]; «В Париже Росс! — где факел мщенья? // Поникни, Галлия, главою. // Но что я зрю? Герой с *улыбкой примиренья* // Грядет с *оливою* златой» (А. С. Пушкин. «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году», 1815) [1: 82].

Ср. также: «Ты дочь верховного Эфира, // Ты светозарная краса: // В руке твоей *олива* мира, // А не губящая коса» (Е. А. Баратынский. «Смерть», 1828) [Баратынский 1936, 2: 133; ср. 1: 138].

¹² «Вдали огромные раины // Глядят с высот, как исполины, // И кедров древний лес шумит, // Там пальм обильный ряд стоит, // Раскинув гордые вершины: // Под сенью их и в летний зной // Зефир прохладу навевает <...>» (Д. П. Ознобишин. «Отрывок из восточной повести “Пустынный Канду”», 26 марта 1830 г.) [Ознобишин 2001, 2: 32].

¹³ Ср. «Сиянье двух событий мира, // Чудес смиренья и любви, — // И мир, увитый пальмой мира, // И мир, утопленный в крови! // Смотри! Здесь тишина Эдема, // А тут кровавая война; // Здесь свет небесный Вифлеема, // Тут адский пыл Бородина» (П. П. Ершов. «25-е декабря», 1835) [Ершов 2005: 264].

¹⁴ «Он был весной своей // В земле обетованной // И много славных дней // Провел в тревоге бранной. // // Там ветку от святой // *Оливы* оторвал он; // На шлем железный свой // Ту ветку навязал он. // <...> // Над ним, как друг, стоит, // Обняв его седины, // И ветвями шумит // *Олива Палестины* <...>» (В. А. Жуковский. «Старый рыцарь», 1832) [Жуковский 2008, 3: 213—214].

¹⁵ «Когда случилось петь Офелии, // А горечь грез осточертела, // С какими канула трофеями? // С *охапкой* верб и чистотела» (Б. Л. Пастернак. «Уроки английского», 1917) [Пастернак 1985, 1: 87]. Ср. также *вербы* — «ветки вербы, которые раздаются в христианском богослужении в вербную субботу» [БАС 1951, 2: 167], откуда затем вторичная форма ед. ч. *верба* ‘одна такая ветка’: «В желтый сумрак мертвого апреля, // Попро-

цавшись с звездною пустыней, // Уплывала Вербная неделя // На последней, на погубной снежной льдине; // <...> // Стал высоко белый месяц на ущербе, // И за всех, чья жизнь невозвратима, // Плыли жаркие слезы по вербе // На румяные щеки херувима» (И. Ф. Анненский. «Вербная неделя», 14 апреля 1907 г.) [Анненский 1990: 91]. Ср. также поговорки, связанные с этими сакральными днями: «На канунъ вербнаго воскресенья Св. Лазарь за вербой лазилъ» [Даль 1880, I: 180], а также уходящие в прошлое народные обычаи: а) хлестать домашних ветками вербы по возвращении с церковной службы в вербное воскресенье: «Верба хлестѣ, бѣй до слезѣ, не я бью, верба бьетѣ» [Даль 1880, I: 180]; б) хлестать скотину освященными в вербное воскресенье и сохраняемыми в течение года ветками вербы, выгоняя ее в поле в первый раз в Юрьев день 21 апреля по старому стилю. Отсюда далее устар. простореч. *вербы* — ‘вербный базар’ [БАС 1951, 2: 167]. Ср.: «Ни один из англичан не показал вчера лошадей своих, отзываясь воскреснемъ <...> Теперь придется ехать не иначе как в субботу, или уже на страстной, потому что на этой неделе решительно свободного времени не будет; между тем в субботу утреннее гулянье на вербах; так, видно, до страстной» (С. П. Жихарев. «Дневник студента», 27 марта 1805 г.) [Жихарев 1955: 42–43]; «Прекрасное гулянье было в Лазареву субботу, на Красной площади в Кремле <...> Вдоль кремлевской стены, напротив гостинных рядов, расставлены палатки и столы, вроде ярмарки; торговали вербами, детскими игрушками и красным товаром» [Благово 1989: 160].

¹⁶ Здесь же можно отметить иное осложнение в случае с *буком* в украинском, где на базе вторичного значения ‘отдельная ветвь этого дерева’ сложилось специализированное функциональное значение ‘розга’: «Наука не йде на бука»; «Буком того, хто не боронить свого» [Гринченко 1907: 108]. В иных случаях переход ‘дерево’ → ‘ветвь этого дерева’ → ‘палка’ → ‘орудие наказания, розга’ получает эксплицитное выражение в первично диминутивных образованиях с различными суффиксами. Ср. *бучок* ‘буковая палка’ (и далее «вообще палка») к рассмотренному выше *бук* [Гринченко 1907: 118]; *дуб* ‘дерево’ → *дубец* ‘розга’. Ср. у Даля с пометой «сѣв(ерное)»: «Дубецѣ сѣв. пруть, розга, вица. Постегать парнишка дубцомъ <...> Прощель дубцы, мск. сквозь строй <...> Не научилъ дубцемъ, а дубиной не научишь!» [Даль 1880, I: 513]. Аналогично *вяз* → *вязок* ‘гибкий пруть, свѣжая хворостина» [Даль 1880, I: 346] и др. под. Ср. также являющееся своего рода интегралом для всех частных воплощений этого типа семантических преобразований *древко* (< *древ*о ‘дерево’) ‘палка’ (с дальнейшей предметно-функциональной специализацией).

¹⁷ «<...> Нивы колос первородной, // Сок оливы, плод древес» (В. А. Жуковский. «Элевзинский праздник», 1833) [Жуковский 2008, 3: 220].

¹⁸ И это при том, что такого рода специализация лежит буквально на поверхности и получает отражение в составе энциклопедической информации об означаемых «древесной» лексики. Ср.: «**вязь** — дерево *Ulmus Effusa*, одно изъ самыхъ гибкихъ, изъ котораго дѣлаются вязки, ободья, полозья» [Даль 1880, I: 346] (курсив мой. — А. П.).

¹⁹ Ср. далевскую характеристику *липы* и отмеченное им специализированное диалектное значение ее имени: «одно изъ самыхъ мягкихъ подълочныхъ деревъ; <...> || Верхній дверной и оконный косякъ нвг. пск.» [Даль 1881, II: 258] (курсив мой. — А. П.).

²⁰ Странным образом Большой академический словарь приводит это значение («Род лодки, сделанной из дубовых досок или выдолбленной из цельного ствола дуба»),

иллюстрируемое примерами из текстов донского писателя Виталия Закруткина (1908–1984) и «малоросса» Г. П. Данилевского (1829–1890; цитируется его роман «Беглые в Новороссии», 1862), без ограничительных помет [см. БАС 1954, 3: 1144] и тем вольно или невольно вводит своих читателей в заблуждение. Малый академический словарь исправил эту ошибку, сопроводив выделенное им употребление слова *дуб* в значении «Род большой лодки на Дону, Днепре» (с той же, что и в БАС, цитатой из В. А. Закруткина, но с неоправданной элиминацией мотивирующей энциклопедической информации) пометой «обл.» [МАС 1981, I: 450].

²¹ Эта поглощенность Тибуллою была настолько сильной и глубокой, что приводила Батюшкова к полному слиянию с объектом своего чувства. Ср. в письме к Д. В. Дашкову 25 апреля 1814 г.: «Вооружась билетом для прохода чрез врата учености в сие важное святилище муз, я, *ваш маленький Тибулл* или, проще, капитан русской императорской службы, что в нынешнее время важнее, нежели бывший кавалер или всадник римский (...), — я, ваш приятель, наступил на горло какому-то члену общества и вошел в залу, пробираясь сквозь толпу любопытных» [Батюшков 1989: 277], где представлен редкий в русской культуре пример самоидентифицирующего (рефлексивного) применения чужого собственного имени. В этой, казалось бы, совершенно безобидной антропонимической операции автопереименования, может быть, следует видеть один из первых, ранних симптомов будущего сумасшествия Батюшкова. Ср. еще показательное в этом отношении осуществленное им вскоре шутливое раздвоение личности Н. И. Гнедича, проведенное им также на антропонимической основе: «Если *вы* меня все забыли, то есть *Гнедич* и *Николай Иванович*, то я умру новым родом смерти: тридцать верст от нас карантин; выпрошу позволения отправиться туда, зачумою, и поминай как звали!» (письмо Н. И. Гнедичу, 10 июля 1815 г.) [Батюшков 1989: 339]. И здесь шутливая форма этого пассажа не должна заслонять от нас всей глубины и серьезности стоящего за ним психологического и психопатического феномена. Через полвека — точно таким же образом, но уже совсем не в шутку — раздвоится сознание сошедшего с ума Глеба Ивановича Успенского, в ментальном мире которого будут вести борьбу ставшие врагами *Иваньч* и *Глеб* (см. об этом: [Мережковский 1991]).

²² См. Ног. Од. I, III и переложение И. И. Дмитриева («Подражания одам Горация»). Книга I. Ода III, 1794 [Дмитриев 1967: 92], где лат. *navis* переведено как «корабль», *ratis* 'плот, паром' → (поэт.) 'судно' опущено и оставлено без перевода, лат. *robur* — 1) 'дубовое дерево, древесина дуба, дуб' и 2) 'изделие из дуба' переведено как «дубовая кора», а лат. *aes, aeris* — 1) 'всякий металл', 2) 'медь, бронза; медная руда', 3) 'медные изделия' — заменено русским «тройным булатом» (рус. *булат* < сев.-тюрк. < перс.).

²³ За батюшковской подменой / заменой сосны елью обнаруживает себя органическая связь ели и сосны, отражающая их принадлежность к одному растительному семейству и имеющая многообразные языковые проявления. Ср., например, русск. диал. урал. *ёлка* 'сосновое дерево', курск. *ёлки* 'сосны' [СРНГ 1972, 8: 342].

²⁴ См. его записную книжку 1817 г. «Чужое: мое сокровище!» [Батюшков 1977: 410 сл.; ср. Пильщиков 2003: 90–91].

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анненский, И. Ф.: 1990, *Стихотворения и трагедии*, Ленинград.
- АППП 1988 — «Здравствуй, племя младое...»: *Антология поэзии пушкинской поры*, Москва.
- Баратынский: 1936, *Полное собрание стихотворений*, [Ленинград], т. 2.
- БАС 1948–1965 — *Словарь современного русского литературного языка*, Москва—Ленинград, т. 1–17.
- Батюшков, К. Н.: 1989, *Сочинения: В 2 т.*, Москва, т. 2.
- Батюшков, К. Н.: 1977, *Опыты в стихах и прозе*, Москва.
- Бестужев-Марлинский, А. А.: 1958, *Сочинения: В 2 т.*, Москва—[Ленинград], т. 1.
- Благово 1989 — *Рассказы бабушки: из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово*, Ленинград.
- БЭ 1990 — *Иллюстрированная полная популярная Библейская энциклопедия: В 4-х вып.*, Труд и издание Архимандрита Никифора. Репринтное изд. [с изд. 1891 г.], Свято-Троице-Сергиева Лавра.
- Глинка, С. Н.: 2004, *Записки*, Москва.
- Глинка, Ф. Н.: 1951, *Стихотворения*, Ленинград.
- Гнедич, Н. И.: 1956, *Стихотворения*, Ленинград.
- Гринченко 1907 — *Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская Старина»*, Редактировал, с добавлением собственных материалов, Б. Д. Гринченко, Киев, т. I.
- Давыдов, Д.: 1984, *Стихотворения*, Ленинград.
- Даль, В. И.: 1880–1882, *Толковый словарь живого великорусского языка*, Москва, т. I–IV.
- Дельвиг, А. А.: 1986, *Сочинения*, Ленинград.
- Дмитриев, И. И.: 1967, *Полное собрание стихотворений*, Ленинград.
- Ершов, П. П.: 2005, *Конек-горбунук; Избранные произведения и письма*, Москва.
- Жихарев, С. П.: 1955, *Записки современника*, Москва—Ленинград.
- Жуковский, В. А.: 1999–2008, *Полное собрание сочинений и писем: В 20 т.*, Москва, т. 1–2.
- Короленко, В. Г.: 1953, *Собрание сочинений: В 10 т.*, Москва, т. 1.
- Ломоносов, М. В.: 1959, *Полное собрание сочинений*, Москва—Ленинград, т. 8.
- Майков, А. Н.: 1977, *Избранные произведения*, Ленинград.
- Малинин 1952 — *Латинско-русский словарь*, Сост. А. М. Малинин, Москва.
- МАС 1981 — *Словарь русского языка: В 4 т.*, Гл. ред. А. П. Евгеньева. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва, т. I.
- Мережковский, Д.: 1991, 'Иваныч и Глеб' [1909], Д. Мережковский. *Акрополь: Избранные литературно-критические статьи*, Москва.
- Ожегов, С. И.: 1989, *Словарь русского языка*, Изд. 21-е, Москва.
- Ознобишин, Д. П.: 2001, *Стихотворения; Проза: В 2 кн*, Москва, т. 2.
- Пастернак, Б.: 1985, *Избранное: В 2 т*, Москва, т. 1.
- Пеньковский, А. Б.: 2005, *Загадки пушкинского текста и словаря: Опыт филологической герменевтики*, Москва (Philologica russica et speculativa; T. IV).

- Поэты 1790–1810 — *Поэты 1790–1810-х годов*, Ленинград, 1971.
- Пушкин: 1937–1949, *Полное собрание сочинений*, [Москва—Ленинград].
- Пушкин, В.: 1989, *Стихи; Проза; Письма*, Москва.
- РС 1983 — *Русский сонет, XVIII — начало XX века*, Москва.
- Рылеев, К. Ф.: 1971, *Полное собрание стихотворений*, Ленинград.
- Соловьев, В.: 1974, *Стихотворения и шуточные пьесы*, Ленинград.
- СРНГ 1972 — *Словарь русских народных говоров*, Ленинград, 1965–1972, вып. 8.
- Стогов, Э. И.: 2003, *Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I*. Москва.
- СЦРЯ 1847 — *Словарь Церковно-Славянского и Русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук*, С.-Петербург, т. I.
- Тибулл и др.: 1963, *Катулл, Тибулл, Проперций: [Сочинения]*, Москва.
- Толстой, А. К.: 1969, *Собрание сочинений: В 4 т.* Москва, т. 2.
- ТС 1935 — *Толковый словарь русского языка*, Под ред. Д. Н. Ушакова. Москва, т. I.
- Фасмер 1973 — *Этимологический словарь русского языка*, Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева, Москва, т. IV.
- Фет, А. А.: 1986, *Стихотворения и поэмы*, Ленинград.
- ХЭС 1993 — *Христианство: Энциклопедический словарь: В 2 т.* Москва, т. 1.
- Шишков, [А. С.]: 1834, *Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена*, С.-Петербург, ч. XVI.